

Главнейшее противоречие его (как и другие) — не из логических, не из аристотелевско-гегелевских. Это противоречие — *духовное, личностное, а главное — противоречие художника*, то есть противоречие не только художественно выраженное, но и художественно разрешенное, художественно «снятое», примиренное, «контрапунктное», — как в музыке.

Известно, что М.М.Бахтин характеризовал мир Достоевского как «полифонию», как «Большой Диалог». Мне кажется, что стоило бы дополнить эту точную мысль еще двумя. Во-первых, первоисточником «полифонии»

рисуется противоречие первое. Добавлю: потому и относятся, что второе *вытекает* из первого, *предопределено* им: ведь речь-то идет о будущности именно православной или атеистической России. В чем ее миссия? Погубить или спасти мир. Третьего не дано. Третье не устраивает ни героев Достоевского, ни, быть может, его самого.

Мысли-чувства Достоевского о России православной, о вере в ее будущий великий расцвет известны достаточно широко, равно как и его шовинистические срывы. Здесь можно составить целую антологию. Значительно меньше, а то и совсем не извест-

«Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее» (26; 198—199). Здесь он — поистине — поднялся над самим собой. И еще одна мысль, «проведенная» в «Подростке» и в «Дневнике писателя» (особенно в речи о Пушкине): главная русская идея — «всепримирение идей».

«При полном реализме найти в человеке человека» — кто не

«Лишь начинаю»... — «Главная черта!» И «характера», и «деятельности!» А ведь до сих пор существует еще миф о «мизантропии» Достоевского...

Есть черновой вариант этой записи, и по нему видно, как Достоевский работает над этими словами, чеканит их, стало быть, придавая им особое значение. Не есть ли это его жизненное и эстетическое кредо?

Посмотрите его письма, заметки за сорок лет. Посмотрите их в свете записи 21 января 1873-го, а эту записку — в свете всех писем, заметок. Да, были у него страшные минуты отчаяния (и не раз, и не два). Подвигемся на тех, у кого их не бывает. Но, что бы ни было, лейтмотивом у него звучит: планы, планы, работа, работа и — неистребимое жизнелюбие.

Вот он пишет из тюрьмы: «В человеке бездна тягучести и жизненности, и я, право, не думал, чтоб столько, а теперь узнал по опыту <...> Я ожидал гораздо худшего и теперь вижу, что жизненности во мне столько запасено, что и не вычерпашь». И вспомним его письмо в роковой день 22 декабря 1849-го, когда его должны были казнить и, неожиданно, помиловали: «Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, и не во внешнем. Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастиях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее. Я осознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да! правда! <...> Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохранию дух мой и сердце в чистоте».

Таким он остался и на каторге, о которой писал: «...я был похоронен живой и закрыт в гробу».

Итог каторги: «...в несчастии яснеет истина».

18 октября 1855-го: «Мне кажется, что счастье — в светлом взгляде на жизнь и в безупречности сердца, а не во внешнем. Так ли?»

22 февраля 1857-го: «А не терять энергию, не упасть духом — это главная потребность моя».

9 марта 1857-го: «В будущее же я как-то слепо верую. Только бы дал Бог здоровья. Удивительное дело: из тяжкого несчастья и опыта я вынес какую-то необыкновенную бодрость и самоуверенность».

28 октября 1860-го: «...не старейте никогда сердцем и не теряйте (что бы ни случилось в жизни) ясного взгляда на жизнь. Да здравствует вечная молодость! Верьте, что она настолько же зависит от власти времени и жизни, насколько и от нашей».

31 марта 1865-го (после смерти жены, брата, друга): «И вот я остался вдвоем один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое (...) Буквально — мне не для чего оставалось жить. (...) А между тем все мне кажется, что я только что собираюсь жить. Смешно, не правда ли? Кошечья живучесть».

Почти всю жизнь он ищет и находит выход из самых безвыходных (и житейски) ситуаций (часто загоняя себя в них сам).

Какая-то невероятная череда малых, личных апокалипсисов (а еще болезней!), и все равно — прорыв к «новой земле» и к «новому небу».

Всегда у него — взрыв жизненных, духовных сил в самую трагическую, отчаяннейшую минуту.

6 сентября 1876-го: «Я знаю, что моя жизнь уже недолговечна, а между тем не только не хочу умирать, но ощущаю себя, напротив, так, как будто лишь начинаю жить. Не устал я ни-

сколько, а между тем уже 55 лет, ух!»

И последняя запись 24 декабря 1880-го: «А теперь еще пока только креплюсь. Все еще только начинается».

9 февраля 1881-го он умер. Не знай мы, что все эти слова принадлежат ему, мы свободно могли бы отнести их и к Вийону, и к Пушкину, и к Уитмену.

Все великие художники — от Гомера до Сервантеса, Данте и Рабле, до Шекспира и Гёте, до наших Пушкина, Толстого, Достоевского — все они изначально любили жизнь больше и прежде, чем смысл ее, а потому и пробивались к смыслу.

Духовные мизантропы и развратники не выживают, на них может быть только мода (иногда страшная). мода вообще бывает только на вещи, без которых можно прожить. Не бывает моды на вещи, без которых жить нельзя. Потому и нет моды на хлеб, на воду, на воздух. Нет моды на детей, на любовь, на жизнь, нет и не будет.

«Люблю жизнь для жизни...» Вот внутреннее солнце Достоевского, всегда светившее ему, всегда его спасавшее. Вот внутренний эпиграф его вообще ко всему его творчеству.

Потому-то он — один из самых мужественных людей в истории человечества, не признающий безвыходных ситуаций. Он не только гений предупредения о смертельных опасностях, но и гений преодоления их, гений выхода, а не тупика. Потому-то он и верил в спасение, в спасение подвигом, верил до конца, пусть остается всего лишь один-единственный шанс из тысячи на это спасение.

«Бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие. Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие».

Что отсюда следует? Как ни странно, как ни страшно, но следует одно: бытие человечества еще только начинает быть — именно потому, что ему загрозил небытие. Определимся в отношении к Апокалипсису — остальное приложится.

***

Конечно, я не высказал здесь и одной сотой того, что хотелось бы сказать о Достоевском. И все же о его главных, глубинных противоречиях, связанных между собою, — об отношении к Богу (к Апокалипсису особенно), к России, к человеку, — не сказать было нельзя, как и о его любви к «живой жизни». А еще — о его необычайно остром самосознании: все-таки никто (пока), я убежден, не знал, не понимал Достоевского так, как он сам, никто не сказал более точного Слова о Достоевском, чем он сам.

И пусть за всеми сотнями героев Достоевского, за всеми его образами не только не потеряется, а еще сильнее высветится главный, самый главный, самый противоречивый герой — сам Достоевский как художник и как человек.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» (из «Идиота»), соответственно, закон небытия — уничтожение сострадания, — без этого немислимы его любимые герои, но особенно — он сам.

Юрий КАРЯКИН.

Цитаты из «Записных тетрадей» даны по Полному собранию сочинений Ф.М.Достоевского в 30 тт.: сначала — том, потом — страница. — Ред.

го (и одного из немногих) достоевсковедов России Юрия КАРЯКИНА, которую «КО» с любезного согласия автора и издателей предлагает вниманию читателей.

была, конечно, Библия, вся Библия. Что может быть «полифоничнее» Библии? Какой здесь поистине всемирный гул голосов! Есть и такая запись Достоевского: «Библия. Все характеры» (24; 97). Во-вторых, сама «полифония» Достоевского — насквозь апокалипсична, сам «Большой Диалог» — это и есть, в сущности, диалог именно об Апокалипсисе, перед лицом Апокалипсиса.

Но есть и второе важнейшее противоречие Достоевского, и к нему относятся все те оценки, все те эпитеты, которые характеризуют противоречие первое, самое главное. О нем тоже можно — надо — сказать: «Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных». Во что, в данном случае, верить или не верить? В Россию! Здесь тоже применимо: «А хуже всего то, что натура моя подлая и слишком страстная: везде-то и во всем я до последнего предела дохожу». И здесь бес сыграл с ним шутку. И здесь он — великий Игрок, «до гробовой крышки». И здесь он заглядывал в «две бездны разом». И это противоречие вело вперед, было источником величайшего мучения и счастья, источником величайших художественных прозрений.

Второе противоречие, содержащее две противоположные посылки, из которых следует бесконечность противоположных следствий, следуют противоположные планы всей жизни и каждого русского, и всей страны — это и есть вопрос о *будущности самой России*, точнее — о *двух будущностях России*, о *двух Россиях*.

Я сказал, что сюда относятся все те оценки, которые характе-

ны и не продуманы его прогнозы мрачные, его предчувствия окончательной катастрофы России.

Из черновиков к «Бесам»: «Итак, возможна ли другая — научная — нравственность?»

Но если православие невозможно для просвещенного (а через 100 лет Россия просветится), то, стало быть, все это фокус-покус, и вся сила России временная. Ибо чтоб была вечная, нужна полная вера во все. Но возможно ли веровать?»

Итак, прежде всего надо предпринять, чтобы успокоиться, вопрос о том: возможно ли серьезно и вправду веровать?»

В этом все, весь узел жизни для русского народа и все его назначение и бытие впереди.

Если же невозможно, то хотя и не требуется сейчас, но вовсе не так неизвинительно, если кто потребует, что лучше всего все сжечь. Оба требования одинаково человеколюбивы (медленное страдание и смерть и скорое страдание и смерть. Скорое, конечно, даже человеколюбивее).

Итак, вот загадка?» (11; 178—179).

Но вместо сожжения России есть и другое решение — сжечь себя.

Мало кто останавливает свое внимание на странном и страшном Прологе «Подростка». Я имею в виду *самоубийство Крафта* (русский, несмотря на свою немецкую фамилию), а главное — мотивы этого самоубийства: так как Россия — «второстепенна», остается только «материалом» для будущего человечества (как когда-то Рим), то... то Крафт кончает самоубийством.

Однако, кроме противоречий в чувствах, мыслях о России, терзавших Достоевского, есть у него (в записных книжках) и такое:

знает эту «формулу» Достоевского? Но вдумаемся в нее и свяжем ее с первыми двумя противоречиями: *если не найти в человеке человека, то погибнет и мир, и Россия; если нет в человеке человека, то и Бога — нет*.

Продолжу, однако, мысль Достоевского: «Эта русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубин христианского духа народного) — хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему».

Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой». На полях этой черновой записи большое, заглавное: «Я» (27; 65).

«Красота мир спасет» — кто не знает и эту «формулу» Достоевского? «Знатоки» не преминут добавить: это не Достоевский, а князь Мышкин говорил. Однако же это — неоднократно — повторяли его любимые герои (неужто случайность?): «Что же спасет мир? — Красота» (из черновиков к «Подростку») или «Мир спасет красота Христова (...). Одна красота есть цель» (11; 188, 233). Это же он и сам утверждал: «Литература красоты одна лишь спасет» (24; 167).

Но наряду с «формулой» — «красота мир спасет» у Достоевского есть и другая — «некрасивость убьет» (из «Бесов») — слова Тихона Ставрогину). Опять — решающий выбор (ср. первое противоречие) между жизнью и смертью («спасет» — «убьет»).

Еще одна самооценка: «Несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо, люблю жизнь для жизни, и, серьезно, все еще собираюсь начать мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет, а я все еще никак не могу распознать, оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь начинаю. Вот *главная черта моего характера*: может быть, и *деятельности*» (запись 31 января 1873 г.).

«Люблю жизнь для жизни»...